

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Автор выражает искреннюю благодарность всем историкам, краеведам, этнографам, фольклористам, ученым других направлений, чьими стараниями собраны и сохранены бесценные свидетельства о прошлом России.

ОСОБАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Елене Михайловне Дутовой, заведующей отделом краеведения Центральной городской библиотеки города Омска, ведущему методисту отдела Оксане Викторовне Буратынской

Марине Александровне Жигуновой, кандидату исторических наук, заслуженному ветерану Сибирского отделения Российской академии наук.

Ларисе Алексеевне Ивановой, заведующей отделом этнокультурного наследия Историко-культурного комплекса «Старина Сибирская».

Игорю Михайловичу Плаксину, заместителю директора Курского областного краеведческого музея.

Людмиле Ивановне Лариной, доценту кафедры русского языка Курского государственного университета.

Владимиру Михайловичу Губареву, руководителю музея Курского медицинского университета.

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

Жребий праведных грешнику
СТАТЬ ОГНЕМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Фотография Натальи Нестеровой — *Дмитрий Романов*

Оформление — Александр Шпаков

Нестерова, Наталья.

Н56 Жребий праведных грешниц. Статья огнем : [роман] / Наталья Нестерова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Пазлы. Истории Натальи Нестеровой.)

ISBN 978-5-17-101585-5

Любой человек — часть семьи, любая семья — часть страны, и нет такого человека, который мог бы спрятаться за стенами отдельного мирка в эпоху великих перемен. Но даже когда люди становятся винтиками страшной системы, у каждого остается выбор: впустить в сердце ненависть, которая выжжет все вокруг, или открыть его любви, которая согреет близких и озарит их путь. Сибиряки Медведевы покидают родной дом, помнящий счастливые дни и хранящий страшные тайны, теперь у каждого своя дорога. Главную роль начинают играть «младшие» женщины. Робкие и одновременно непреклонные, простые и мудрые, мягкие и бесстрашные, они едины в преданности «своим» и готовности спасти их любой ценой.

Об этом роман «Статья огнем», продолжающий сагу Натальи Нестеровой «Жребий праведных грешниц».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2016
Все права защищены

ISBN 978-5-17-101585-5

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая
1925—1926 годы

Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но
клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить
отечество или иметь другую историю, кроме истории наших
предков, такой, какой нам Бог ее дал.

А.С. Пушкин

Да разве найдутся на свете такие огни, такие муки и такая
сила, которая пересилила русскую силу!

Н.В. Гоголь

Островитяне

Бесснежных бархатных зим в Сибири не случилось. Но в тот год намело — заплоты укутало.

Давно, еще до революции, доктор Василий Кузьмич Привалов читал в литературных журналах рассказы писателей об изнурительной русской зиме. Когда дома под крышу засыпаны снегом, окна в тесных, душных, полутемных избах оледенели, делать нечего, из-за сонной одуряющей лени все давно переругались, помирились и снова переругались, когда все сказки рассказаны-перерассказаны, сплетни, домыслы и вымыслы в самой чудовищной форме уже сто раз обмусолены, когда сельская интеллигенция, вроде учителя и фельдшера, опухла от пьянства и перестала терзаться связью с самыми низкими деревенскими бабами, когда кажется, что мир кончился и просвета не будет... в рассказах наступает весна, бегут ручьи — и жизнь, чистая, веселая и радостная, возобновляется...

Если бы Медведевы познакомились с этой литературой, они бы сказали: «Так оно в Расее, а не у нас в Сибири». Сибиряки горды и честолюбивы до ханжества.

Дом Анфисы Ивановны Медведевой с большим крытым подворьем существовал даже не в хуторной, а в островной изоляции, на самообеспечении. Дров и припасов было заготовлено столько, что до весны могли бы и вовсе не выходить за ворота. Будь ее воля, Анфиса так бы и по-

ступила. Хозяйство, дом, семья были ее миром, а извне приходили новости большей частью дурные. К тем, что на первый взгляд казались хорошими, Анфиса относилась настороженно. Слишком часто за последние годы надежды крестьян оборачивались бедами. Сибирские старожилы никогда не просили помощи у государства, только б оно, государство-правительство, не мешало жить по вековечному укладу — по незыблемым понятиям достойного неторопливого хода вещей.

Хотя Анфисин муж Еремей Николаевич был жив-здоров и именно он выстроил чудо-дом, второго такого не сыскать, их жилище односельчане называли «дом Анфисы Турки», как бы признавая ее главенство в семье.

Никто праздности не знал: мужики постоянно что-то строга­ли, чинили, ремонтировали, шили кожаную обувь, катали валяную. Женщины пряли, ткали, вязали, вышивали, чинили одежду.

Василий Кузьмич Привалов никогда не интересовался этнографией, но как врача и физиолога его поразил тот факт, что коренные сибиряки, живущие в суровом климате, практически никогда не обмораживались, не замерзали в тайге на охоте. Дело было в одежде.

Еремей Николаевич говорил: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто умеет мороза хорониться».

Одежда была теплой и при этом легкой, не стеснявшей движения; она защищала от ветра, от попадания снега за ворот и не вызывала усиленного потоотделения. На всякую погоду: от стужева (мороза с туманом) до непроглядной метели, от буса (мелкого дождя с порошей) до сорокаградусного мороза в солнечный день — имелась одежда. Кафтаны, шубы, полушубки, тулупы были нагольные и «крытые», то есть с холстом, дабой или фабричным сукном. Самая теплая верхняя одежда — доха — шилась из меха собак или диких животных, доходила до пят, имела широкий ворот и большой запах. В сибирской дохе,

укрывшись вдобавок медвежьей полостью, можно было без опаски ехать в санях по зимнику в любой мороз. И женщины, и мужчины носили чулки — суконные, шерстяные, сермяжные; на промысел в тайгу — лосиные или сшитые из овчины; в морозы — кулемишки из собачьей шкуры. В доме Анфисы топили жарко, но по полу все-таки несло холодом, и все без исключения были обуты в легкие пимы из оленьего меха.

Весьма разумно, с точки зрения доктора Привалова, сибиряки защищали от переохлаждения конечности и голову. Зимней обуви и шапок у Анфисы имелось по два сундука и еще один с рукавицами множества видов: вареги, верхницы, волосянки, вязанки, высподки, голицы, исподки, лохматейки, шубенки...

Вся зимняя одежда была к сезону высушена, починена, обновлена.

— Твоя мать могла бы нарядить взвод солдат для зимней кампании, — как-то сказал Василий Кузьмич Нюране.

— Вы еще праздничной не видели. Ах, какая у меня соболья шубка, крытая синим сукном и стеклярусом вышитая! Но я из нее выросла, а мама новую не хочет справлять! Говорит, времена нынче скромные. Если эти времена до моей старости продлятся, так и ходить в заячем тулупчике?

Пятнадцатилетняя Нюраня вступила в возраст, когда девка с матерью противоборствует. Сама Анфиса в ее годы выказывала большое противление, но давно забыла о своей девичьей строптивости, о том, как подмяла под свою волю и мать, и отца. Теперь Анфисе казалось, что дочь блажит, дурью мается, за это и получает по заслугам.

Еще с осени Нюраня на супрядки просилась. Мать не пускала, теперь супрядки не как прежде: молодые мужики, жен дома оставив, на них ходят, пацанва безусая, вдовицы легкого поведения и прочие оглодыши-переселенцы. Не компания это ее дочери! И нет пригляда, то есть надежного

и подходящего человека, который, случись что, Нюранино достоинство защитил бы.

— Сама за себя постоять могу! Я не маленькая! — голосила дочь.

Но мать к ее воплям была равнодушна. Только грозила:

— Без спросу сбежишь — я с тебя шкуру спушшу и обратно не надену! Лихотит ее! В башке ветер, в заду ум.

У отца Нюраня защиты и поддержки не искала. Тятя не боится мамы, но не любит с ней связываться. Вмешивается только в крайнем случае, когда мамина несправедливость совсем уж вопиюща. Просить тятю о том, чего он не желает делать, бесполезно. Скажет что-нибудь вроде: «Не переживай, устаканится». Когда? Когда ей, Нюране, двадцать лет стукнет, когда постареет?

Но был еще брат Степан, который с матерью штыками скрещивался без опаски. К нему-то Нюраня и бросилась за справедливостью. Братка не подвел.

— Пусть Аким и Федот с ней на супрядки ходят, — предложил Степан матери и напомнил: — Ты ж сама говорила, что они, глядишь, и женятся.

Присутствовавшие при разговоре, сидевшие на лавках работники Аким и Федот, чинившие обувь, замерли с большими иголками в руках и стали похожи на скульптуры под названием «Сапожники за работой». Они-то, конечно... и всегда... любой приказ хозяйки... Но на гульбища ходить?! По возрасту Акиму и Федоту пятидесяти не исполнилось, а по душе — глубокие старики, ничего от жизни не ждущие.

Пойманная на слове Анфиса прекрасно поняла по застывшим позам работников, как им «нравится» перспектива супрядки посещать.

— Дык я работникам на досуг не указчица, — ответила она сыну. — Им твоя революция как пролетариям тоже права дала. Али нет-ка?

И тут вступила Нюраня: подскочила к работникам, стала обнимать их, руки молитвенно заламывать, причитать:

— Дядечка Акимушка! Миленький дядечка Федотушка! Хорошенькие, родненькие! Пожалуйста! Ой, не дайте мне погибнуть-усохнуть, годы мои молодые загубить!

Нюраню все любили. Отец называл ее «наша солнечная соловушка». Влетит в избу — и точно светлей становится. Защебечет — и, толком не понимая смысла ее девичьих трелей, все улыбаются. Прасковье, жене Степана, золовка напоминала ее девичьи светлые годы. Марфе, супруге второго брата, Петра, мечты навевала: она, Марфа, такой же беспечно-радостной была бы, пошла ей судьба других родителей. Петр, которого сестра была на несколько лет младше, воспринимал Нюраню отчасти как мать, только не строгую-неприступную, как настоящая мать-Анфиса, а ласковую, дурашливую и по-доброму насмешливую. Отец и Степан, видя Нюраню, слухом и взором наслаждались, как наслаждаются ростом-взрослением певчей птицы. В то же время они понимали: не будь ежовых рукавиц, в которых Анфиса держала дочь, из той вполне могла бы вылупиться капризная своевольница. Всех устраивал расклад: они Нюраню балуют, а мать в строгости держит. Никому не приходило в голову, что баловать легко, а строжить душевно растратно.

— Ну-дык, я чего... я не против-то, — сказал Аким.

— Ежели не часто, — согласился Федот.

— Ура! — запрыгала Нюраня.

В ней было столько энергии, что прыгала она, точно молодая коза, по любой радости.

Степан победно посмотрел на мать: моя взяла. Анфиса пожалала плечами: по моему допущению. В противостоянии матери и сына компромиссы были редки и нисколько не сглаживали главных противоречий.

Так и повелось, что на супрядки Нюраню сопровождали Аким или Федот, по очереди. Нюраня сбивала каблук сапожек в танцах, хохотала в играх, а кто-то из работников сидел в углу, дремля одним глазом, а вторым наблюдая за

происходящим. Молодые и особенно средних лет бабы, которых в Погорелове был излишек — сверстников-то выкосило в войнах, революциях и восстаниях, — скоро поняли, что Аким и Федот не по амурной части. Сивые мерины, которых охолостила то ли судьба, то ли известная своей властностью Анфиса Турка.

Максимка Майданцев не побоялся Нюраниных телохранителей и несколько раз после супрядок провожал ее до дома.

Федот почему-то донес об этом не Анфисе, от которой у него секретов раньше не было и которую он слушался как верный пес, не Еремею Николаевичу, который был формальным главой семейства, а Степану:

— Майданцевский парнишка клинья под Нюраню бьет. Присмотрись.

«Из хорошего старого сибирского рода парень» — первое, что пришло Степану в голову. И тут же он ругнул себя с досадой: рассуждает, как мать, которая к людям точно к скотине относится — своих коров с какими попало быками на вязку не допустит и племенного быка Буяна не даст на спаривание с соседскими худосочными телками, чтобы породу не портили, чтобы потом никто не упрекнул, Буян-де семенем ослаб.

Вспомнилось Степану, как возникла у него много лет назад, уже после службы в Красной армии, симпатия к Татьянке. Милая девушка, легкая, прозрачная. Степан увидел ее на закате. Растянувшейся толпой народ возвращался с сенокоса. И Татьянка просвечивалась, одну ее среди всех солнце золотыми лучами пронизывало. Хрупкую, точно бескостную, сотканную из воздуха. Степана всегда нежно-беззащитные девушки привлекали.

Мать чутьем своим звериным о его симпатии узнала. Он сам-то еще толком с чувствами не определился, а мать выплюнула: «Татьянкин род порченный, ее прабабка и сестра прабабки до сорока пяти не прожили, от рака

грудей померли». Какие прабабки с грудями? Чушь! Он был слишком занят установлением советской власти и не заметил, что Татьяна исчезла — сосватали в соседнее село. Наверняка мать постаралась. Татьяна умерла два года назад. Первенца родила и преставилась...

Однако Прасковью матери не удалось вытравить! И не мать ему, а сам он себе выбрал суженую!

Что же касается Максима Майданцева, то в классовом понятии этот парень в правильном русле, комсомолец. Вячейке Коммунистического союза молодежи пока дюжина ребят, из них семеро парней. Степан с ними не только беседы на политические темы вел. Брал парней на охоту, все они были безотцовщина. Тайга и река сибиряка всегда прокормят, однако нужно, чтобы с молодых лет тебя обучили, как зверя бить и рыбу ловить. Но мужиков выкосило, связь поколений нарушилась. Ходить к чужому дяде на поклон — «возьмите на охоту» — было не принято. Степан считал своим долгом не только классовое самосознание у молодежи развивать, но и прививать им достоинство, которым сибиряки всегда отличались. А достоинство без знаний и умений — одно бахвальство. Как у казаков.

Казачьих станиц вокруг много, и в них та же картина — что ни дом, то вдовицы. Казаки тоже древних родов, но полувоенных. Сибирские старожилы казаков не жаловали за их подневольность, а казаки презирали «гражданских» за штатскую расхлябанность. Но все это было на уровне слов, насмешек. Те и другие одинаково презирали переселенцев. Так вот, у казаков кичливость в крови. Парнишка от горшка два вершка, половины букв не выговаривает, порты первые ему только вчера надели, а он уже нос задирает: «Я казак!»

Когда осенью подморозило и падера (первый снежок) закружила, Степан с четырьмя ребятами-комсомольцами завалил на охоте матерого сохатого. Едва доволокли. Степан убоины себе не взял, на молодых охотников разделил.

Тетя Аксинья Майданцева, бабка Максима, очень Степана благодарила, в пояс кланялась. Это ведь много мяса, его на куски порежут, в воду окунут, дадут обледенеть и в кадки сложат, снегом пересыпав, — надолго хватит. В сибирском климате без мяса никак нельзя. Майданцевым еще и шкура досталась, поскольку первый выстрел, достигший лося, был Максимкин.

Степан часто лукавил, приписывая те или иные хорошие дела новой власти.

— Не меня благодарите, тетка Аксинья, а партию. Партия нас призывает всячески поддерживать и обучать сознательную молодежь.

— Ну да, ну да! И партии спасибо! — закивала тетка Аксинья, хотя и с меньшим энтузиазмом.

— Молодежь объединится в коммунистические союзы и бодро пошагает к светлому будущему.

— А в лес она пошагать не может? Боюсь, дров до весны не хватит, придется сеник ломать.

— Будут вам дрова, — пообещал Степан.

Положа руку на сердце, он не мог бы сказать, что комсомольцы такие уж верные ленинцы. Вместо собрания с повесткой дня «Текущие политические задачи» могли побежать на супрядки. А если из комсомольцев кто-то женился или выходил замуж, те и вовсе забывали о своем членстве в РЛКСМ. Загорелись ставить комедию Гоголя «Ревизор», но после трех репетиций скисли. Женских ролей мало, всего две, девушки заскучали. Парней не заставишь слова учить, да и юмор у Гоголя несмешной.

Степан привез им из Омска пьесу «Конец мироеда» какого-то молодого революционного автора. Там фигурировали кулак, его жена и три их дочери, а также комсомольский вожак, влюбленный в одну из дочерей и пытающийся вырвать девушку из застенков контрреволюционного семейства, да взвод красноармейцев, который периодически выскакивал на сцену, но слов не имел, как и

девушки-комсомолки в красных косынках. Еще были трясущийся старик, тоже кулак, за которого отец хотел выдать дочь, и поп-пропойца в грязной рясе и с красным носом.

Отца-кулака играл невысокий круглолицый парнишка, под рубаху на живот и в штаны на задницу ему подкладывали подушки, чтобы был уродливо толстым. Его жену представляла Нюраня. Дрынношшепина (так у них называли высоких худых девушек) Нюраня была на голову выше «мужа». Говорила она визгливым противным голосом и вставляла в исходный текст слова и выражения из арсенала родной мамы. Максимка с наклеенной белой бородой изображал жениха-миroeда и так трясся «от старости», что все впокатуху падали. В финале пьесы — естественно, счастливом — все актеры выходили на сцену и пели революционную песню. Причем лучше всех пели кулак-отец, миroeд-жених и поп, обладавшие хорошими голосами.

После веселых репетиций мчались кататься на санях или с горки.

Анфиса дочери еще осенью, когда комсомольцы в престольный праздник организовали антирелигиозное шествие, велела и думать забыть про комсомол. Как и большинство сибирячек, Анфиса не была истово верующей, но богохульство приравнивала к разврату. Хватит им одного Степана-безбожника! Ее дочери не место в компании, где хулят Господа, а вместо Библии подсовывают Карлу Марксу! Поэтому Нюраня держала в секрете свои драматические занятия. Аким и Федот, сопровождавшие ее в дни, когда репетиции проводились вечером, тоже помалкивали. Что супрядки, что спектакли — их дело следить, чтобы девчонку не обидели, и до дома ее в сохранности доставить.

Премьеру планировали на Крещение. Играть будут в школе. Мама наверняка на представление не отправится, а пока ей донесут добрые соседки, еще время пройдет. Наказание за прошлое не бывает строгим, да и Степан заступится.